

СТЕЛЛА МАРЧЕНКОВА

РЖИЩИ

ЖЕНЩИНА С ОПТИМИЗМОМ НА
ГРАНИ БЕЗУМИЯ

Стелла Марченкова

**Ржищи. Женщина
с оптимизмом на грани безумия**

«Издательские решения»

Марченкова С.

Ржищи. Женщина с оптимизмом на грани безумия /
С. Марченкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749090-4

Рассказы обо всем, что хотелось рассказать. О том, что было, есть и будет в жизни каждого. О любви. О выборе. О преданности и подлости. О том, что женщина может любить, а мужчина печь блины.

ISBN 978-5-44-749090-4

© Марченкова С.
© Издательские решения

Содержание

Вuon giorno, signora	6
Сумасшедшая русская	9
Не по судьбе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ржищи
Женщина с оптимизмом на грани безумия
Стелла Марченкова

© Стелла Марченкова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Buon giorno, signora

Почти неделю Лерка жила в Оспедалетти, точнее, в Лигурии, а еще точнее, в Италии. Ура! Мечта сбылась. Хотя, как утверждает ее подруга, мечты сами не сбываются, их сбывают. В данном случае, сбылась или сбыла, значения не имело, потому как, наконец-то, она могла бездумно бродить по набережной, смотреть на синее, такое бывает только здесь, небо, и наслаждаться.

Полтора года назад у нее был куплен тур в этот семейный отель. Уже тогда она знала, что не будет закрывать окна, чтобы море врывалось в комнату, стоящего на скале, дома. Увы, не получилось. И не по причине валютных скачек, они ее мало интересовали, потому что денег у нее не было, практически, никогда. Как-то не задерживались. За эти полтора года она лишилась дома, в котором прожила почти всю жизнь и где вырастила троих детей. Лишилась работы. И надежд, что справедливость торжествует. Нежелание соглашаться с последним, заставило ее сразу после увольнения, за два месяца забронировать билет на поезд до итальянской Бордигеры. И номер в том самом отеле на скале. И в эти 60 дней происходило много того, что могло разрушить ее планы. Как всегда, когда серьезное решение принято, наваливается все, что молчало, ожидая своей очереди. В ее случае, «дождались» давление и «нехочуха», так она называла депрессию. Но когда до поезда оставалось десять часов, уложила трубочкой, чтобы не помялись, вещи в чемодан, туда же кинула целый мешок лекарств и утром выкатилась из дома. Выкатилась в прямом смысле, гололед был жуткий. Москва провожала морозом. В спортивной куртке и джинсах ввалилась в вагон международного состава «Москва-Ницца», с неокрашенной головой и неоципантыми бровями. Такая «нефифа» среди благополучной публики. Слава Богу, в купе ехала одна, а то отсутствие маникюров-педикюров напрягало бы всю дорогу. Как проехали Смоленск, взялась читать, но уснула и очнулась уже в Бресте. Пограничники разбудили. С собаками. Таможенников ее персона не привлекла. Что может везти недозволенного эта пожилая женщина. Спросили для приличия, есть ли у нее с собой сигареты, алкоголь и валюта, в большом количестве. Ха, нашли у кого. Вот они так и поняли. Лерка даже не брала обратного билета, потому что, в связи с событиями, как в собственной жизни, так и в жизни страны, вполне могло случиться, что ее за рубеж не выпустили бы. Зачем деньгам пропадать? Она и отель бронировала по цене бесплатной отмены. Наконец-то, ей принесли ее паспорт, и поезд застучал дальше. Потом была Вена, Дунай, Инсбрук, Альпы. Ночью поезд скрежетал, царапаясь по горам. Звук резал пространство, не давая уснуть. В 6 утра была ее станция. Проводника не нашла. Поезд ровно через две минуты, отведенных на стоянку, двинулся дальше. Следующая остановка была всего в 15 км. Этого оказалось достаточно, чтобы найти и привести в чувство, разоспавшегося служителя дорог. За нескандальность он помог ей выгрузить чемодан. Если бы он знал, какой вес она брала в своей жизни. Но, все равно, спасибо. Вышла на темный перрон, никого. За маленьким заборчиком шумело море. Где выход, где вокзал? Лерка прошла, благо чемодан на колесиках, сначала в одну сторону. Тупик. Пошла в другую и скатилась прямо к стоянке такси. Водитель спал в машине. В открытое окно протянула листок с названием отеля. Что-то сказав, итальянец легко закинул чемодан в багажник, открыл Лерке дверь и поехали. Отель встретил, еще украшенный новогодними гирляндами. Сонный портье за стойкой выставил табличку, информирующую, что заезд только в 14.00. Нет, это слишком. Лерка достала телефон и написала владельцу отеля, что она уже на месте. Через 10 минут ей дали ключи и проводили в номер. Вот, чтоб так жить всегда. Нет, дело не в королевской кровати и итальянской мебели. Прямо под распахнутым окном шумело море. Оно штормило и било прямо по мозгам, вышибая оттуда всякую глупость, типа московской «нехочухи». Спать не хотелось. Несмотря на то что, судя по добавившемуся в общую гамму, звуку, пошел дождь, она вышла на улицу. Так и есть. К шторму присоединился дождь. Но не наш,

ливень с пузырями, а так, морось какая-то. Она спустилась к морю и пошла вдоль набережной. В зоне видимости никого, вероятно потому, что море оштормело не на шутку. Лерка подошла к пустому бару. Села на открытой террасе и заказала любимое латте. Правда, в Италии это «latte macchiato». У нее уже была возможность убедиться в том, что это две большие разницы. Года три назад, она уже спросила латте у итальянского бариста и жутко обиделась, когда ей принесли стакан горячего молока. Оно было вкусное, но кофе в него добавить забыли. Позже ей объяснили, что без второго слова «латте» это то, что дает корова.

Ей принесли горячий кофе, на пенке было сердечко. Ее всегда радовало и удивляло, как бариста может так филигранно выписывать любые фигурки. «Per favore, signora» – бариста отвлек ее от созерцания, спрашивая, видимо, будет ли она что-то еще, или рассчитается. Кому хочется мокнуть под дождиком, даже таким, явно неудавшимся. Лерка оплатила счет и направилась изучать окрестности. Бариста догнал ее и произнес: «Per favore, signora», протянул зонт. Она пыталась объяснить ему, что это не ее! Парень, убедившись, что объяснить ей ничего не удастся, взял ее за руку, развернул, и показал на корзину около входа в бар, в которой было штук 10 подобных зонтиков, видимо, для любителей прогулок без крыши над головой. Лерка поблагодарила, ощущая себя жутко бестолковой. Надо было учить языки, но теперь поздно, пенсия скоро.

Дня три она, вставая, завтракала в отеле, гуляла, часов по пять, днем спала, вечером читала. Ни на что больше не хватало сил. На четвертый – ее разбудило, нагло, прямо в глаза махнуло (не все же знают о ее мигрени), яркое солнце. Оно заставило пересмотреть привычную жизнь и она отправилась в соседние с ее деревушкой, города. Сан-Ремо. Что она знала об этом месте? Как все, выросшие в СССР и, рожденные там же, о фестивалях итальянской песни, о Тото Кутуньо, Андриано Челентано, Рики и Повери, Альбано и Рамино, которые на них побеждали. Как поют итальянцы, о! Она тоже любила эту музыку. Когда год назад в Москву на один день приезжал с концертом постаревший Тото Кутуньо, пошла. Худой, после перенесенного онкозаболевания, он пел два часа, сидя на барном стуле, но КААААК пел!!!!!! Кстати, возраст для итальянского мужчины это, как и для нашего Кикабидзе богатство. На набережной тренировалась группа велосипедистов. Лерка думала, сборная профессионалов. Оказалось, дедушки, в нашем понимании. Лет 80—90, на спортивных великах, в специальном обмундировании, ежедневно накручивали педали. Часами. Вот как. В Сан-Ремо увидела афишу, фестиваль! Но в начале следующего месяца. Расстроилась, не попадет. Тут еще снова пошел итальянский дождь, то есть и не дождь вроде, но все равно неприятно. Лерка забежала в ближайшую кафешку, оказавшуюся кондитерской. Два молодых итальянца за стойкой. Один – на пирожных. Другой – на кофе и напитках. На сей раз, ей принесли кофе, с каллиграфически, просто-таки выгравированной на пенке, буквой «D». Она подняла свою непрокрашенную голову и посмотрела на творца напитка. Тот объяснял, в полной уверенности, что его понимают, что Донна – это прекрасно, прекрасно, что вы есть и т. п. Издевается, подумала Лерка. Да нет, просто выпендривается, демонстрируя свое мастерство. Второй принес пирожные. Маленькие профитрольки с кремом внутри. Вот есть такое помпезное прилагательное – «божественные», к этим пирожным именно оно и прилагалось. Уплетая пирожные, отпивая маленькими глотками кофе, она простила их за донну и за все остальное, в чем еще они могли быть виноваты. Таких пирожных она не ела за все свои... Ох, как не хотелось думать, что впереди гораздо меньше, чем позади. Как радовалась она за девчонок, спующих из магазина в магазин, на главной торговой улице Сан-Ремо. С каким азартом они выбирают сумки и все остальное. Лерке давно уже было все равно, ну равнодушна она была ко всему этому. Подруга говорила, это от распушенности, иногда утешала, с климаксом пройдет. Ага. Как же. Зачем ей, к примеру, новые туфли или сумка? Зачем ей новая помада? Кто на нее посмотрит? Вернее, кто на ней это будет рассматривать, это как обезьяна в очках от Армани. Расстроившись от осознания реальности, она пошла к набережной. Здесь все было не так, как в деревне. Ландшафтный дизайнер

явно преуспел. По дороге, фоткая то, что ей хотелось показать детям и подруге, она не заметила, как дошла до порта, куда вход посторонним был воспрещен, о чем свидетельствовала табличка. Присев на лавочку, немного отдохнув, двинулась в обратном направлении.

Синьора, синьора, синьора... Кто-то назойливо кого-то звал. Оглохла что ли, эта синьора, подумала Лерка. И тут услышала, что кто-то бежит, за ее спиной. Испугавшись, она обернулась, быстро соображая, чем смогла бы защитить себя. Удивительно похожий на президента, маленький мужчина, выравнивая дыхание, протягивал ей фотоаппарат, забытый на той самой лавочке и твердил, уже, наверное, по инерции: «Signora, signora, prego». Как же ей стало стыдно. Она поблагодарила мужика за такую самоотверженность. Это раз. И два – она чего-то не поняла? Это она, Лерка, которой два года до пенсии, у которой голова не покрашена, и брови не выщипаны, и еще много чего не сделано, это она – Синьора?! Ничего себе. Это надо было пробежать марафон, и не ей, а постороннему мужчине, чтобы она поняла, в этой стране, Синьорами остаются до глубокой старости. На обратном пути Лерка зашла в бутик и купила краску для волос, решив сэкономить на парикмахере, и помаду. В отеле сделала маникюр. Через три дня ей пришлось переехать в другой отель. Билетов, в связи с наплывом туристов в те самые Альпы, о которые скребся всю ночь, поезд, не было, а жить в этом отеле мечты было слишком накладно. Ее новый дом отдыха, как сказала бы она еще лет пятнадцать назад, был расположен в соседней, уже знакомой ей, Бордигере. Когда такси остановилось рядом с входом, навстречу вышел парень, лет 35, с длинными, не то светлыми, не то выгоревшими волосами, в джинсах и футболке, никакого костюма. Спросил: «Синьора Валерия»? Лерка улыбнулась и ответила уже уверенно: «Да». «Buon giorno signora», – сказал парень, хватая ее чемодан.

Да, это она синьора. Да, все еще! И будет теперь только синьорой. Это она внушала себе, уговаривала, бубнила, шастая вечером по магазинам Бордигеры, покупая по списку: белье, легенсы, пончо. Надо успеть в парикмахерскую. Стрижка и брови. А что, вдруг? Все бывает. Кризис вышесреднего возраста или, спасибо, Италия.

Сумасшедшая русская

Кто, скажите, пустил эту звезду, по-другому не скажешь, в Италию? Роб и не так бы мягко ее назвал, просто имя у нее было, в переводе почти со всех языков, означающее – звезда.

Он, в который раз за сегодняшний день, дернулся от сигнала смс. Не посмотреть нельзя, вдруг, кто по делу? Или мама с просьбой купить хлеб. Не купишь, придется, уже припарковавшись, заново тащиться в центр, в единственный ночной супермаркет. Эту звезду, кстати, тоже все время возмущал распорядок работы их магазинов. Как это так, закрываться в семь вечера, когда все нормальные люди только с работы возвращаются. Мало того, что с часу дня до четырех отдыхают, так еще и закрываются, едва стемнеет. Смс он все же прочитает. Ну вот, опять, очередное «Как себя чувствуешь?». Да никак он себя уже не чувствует. Свободным – не чувствует. Как будто шелкопряд по нему прошелся, и он из этого кокона выпутаться не может. Вот приклеилась.

Он был хотельером. Уже три года. До этого, в каком качестве только себя не пробовал, благо с полученным им образованием, он мог себе позволить, и управлять известным рестораном в центре Москвы, и открыть галерею в Милане, и яхт-клуб в Сан Ремо. Хватало года на три. Потом интерес пропал и он срывался в путешествия. На велосипеде или на яхте. Отрывался, как сказала бы эта звезда. Но ему так было легче, видимо, рамки, в которые загоняет бизнес, становились тесными.

Надышавшись ощущением принадлежности только себе, полной независимостью от контрактов, договоров и другой, неотъемлемой от его деятельности, ерунды, он возвращался. Успев за это время придумать, и почти полностью создать, новый проект. Из Азии он вернулся уже зная, что на самом краю Бордигеры, вдали от шумной в летний период, набережной, он построит отель. Резиденцию цветов, которые так вдохновили его своими красками. Аренда земли, согласование проекта, строительство, внутреннее оформление, заняло около года. И вот, пожалуйста, его цветы уже заработали свои 9 баллов в рейтинге.

Сезон был не очень удачным. По вполне объяснимым причинам. Беженцы, террористы и почти полное отсутствие русских туристов, которые и составляли основную часть его клиентов.

После новогодних праздников, которые никогда не бывают скучными или провальными, наступил мертвый сезон и он решил на рекламную акцию. Снизил цену на проживание в отеле, свыше 5 дней, чуть ли не вдвое. И почти одновременно все номера забронировали. Как он хвалил себя за удачный ход. Если бы он только знал, чем это закончится. Увидев в заявке «Россия», даже обрадовался, что хорошие времена возвращаются. Кто-кто, а они отдыхать умеют. Или умеют зарабатывать? Еще со дня открытия отеля он решил для себя, что гостей будет встречать лично. Поэтому и ее встречал сам. В 7 утра. Идиотизм. Только русский поезд может привозить туристов в это время. Все отели только в 16 начинают регистрировать заезжающих, все, но не его. Он сделал исключение. На свою голову. И встретил. Русскую. Сначала подумал, что спортсменка. Здесь на побережье многие тренируются в этот период. Сказалось прошлое галерейщика, оценивать по одежде. Спортивная куртка, кроссовки, шапка. Не по-женски как-то. Но спортсменки все такие, даже если фигура хорошая, все равно что-то бесполое проглядывает. Да какая разница, это его гость. Встретил, проводил, показал, объяснил. Хотя это только так называется – объяснил. Смешно. Он знал на русском несколько фраз из разряда: добро пожаловать, как я рад и удачного дня. В общем, как смог, так и объяснил. Она тоже, ни на английском, ни итальянском не разговаривала. Как можно, ехать в чужую страну, не зная языка? Без гида? Без того же разговорника. Да она еще настойчиво что-то спрашивала, не давая ему уйти из номера, чего ему очень хотелось сделать, потому что не выспался и планировал, встретив утренний поезд, еще отдохнуть. Что ей было надо? При-

шлось звонить знакомой украинке, у которой в Бордигере был бизнес. Дал трубку русской, и они быстро друг друга поняли. Потом ему Галина объяснила, что русской нужен еще один день, что у нее нет обратного билета и, что ей не нужно отопление. Странно. Как можно быть такой неорганизованной. И билета у нее нет, и брони нет. С отоплением тоже, хотел как лучше. У них вообще не принято его включать. Перестарался. В общем, она его немного взбесила. Ладно. Отопление отключил. Проживание продлил. По поводу билетов вопрос решит. Потом были два дня, в течение которых, успел подумать, что ошибся. Нормальная. Абсолютно. Выходит в 9 из отеля, шапка, куртка, рюкзак, спортивные ботинки. Приходит, секьюрити говорят, не раньше 9 вечера, и до 9 утра ее не видно. Не шумит, не приглашает никого, телевизор не включает, музыка не орет. Тихая. Ошибался, бывает.

Как там, в русской поговорке, про затишье перед штормом.

Вечером у него была назначена важная встреча. Он торопился, и трубку в офисе взял по инерции, уже на бегу. Роберто, Роберто, верещал кто-то истерически, на непонятном языке. Из знакомых слов только имя. Боже, ну почему все так не вовремя. Сосредоточившись, понял, русская. Забралась в Себоргу, на вершину. И выбраться не может. Еще бы смогла. Без автомобиля. Без гида. Конечно, там нет, ни такси, ни общественного транспорта. Это же деревня, высокогорная. Ноу бас. Ноу такси. Ноу пипл. Кричит в трубку. Пытался продиктовать ей номер такси, цифры, кстати, на русском говорил. Что-то проверещала, и в трубке пошли частые гудки. Он опаздывает на встречу, а здесь эта сумасшедшая русская. С другой стороны, он же за нее отвечает, случись что. «Страховая компания за нее отвечает», – подумал он зло, и пошел к машине. Уже на ходу отменил встречу. Ведя машину в вечернем тумане по серпантину, заметил двигающуюся фигуру. Что это, подумал он? Ходить здесь категорически запрещено, две машины и то не разъедутся, может, случилось что? Затормозил. Вышел. Мама миа! Русская! Чешет и орет во весь голос. Оказалась, это она поет. Вернее, она так думает, что поет. Воткнулась прямо в него, и хорошо, что в него, а не в машину. Он хотел выругаться, но вовремя сообразил, что бесполезно, все равно ничего не поймет. Трудности перевода. Банально. Но сдерживаемая злость еще хуже. Взяв ее за ворот куртки, встряхнул, вложив в это все, что хотел, но не мог сказать. Она, как гуттаперчевая кукла, повисла в его руках. Поставил. Что толку пытаться объяснять? А вообще это ее проблемы и он, впервые лет за пять, повысив голос, начал выговаривать ей, этой русской дуре, которая в чужой стране, не зная языка, залезла на высоту 2 км, к ледникам. Он орал, жестикулировал, выплескивал все эмоции. И злость на нее, и досаду от сорвавшейся встречи, и бешенство от того, что стоит на горном серпантине, в тумане. Покричал и стало легче. И русская молчит. Конечно, знает, что виновата. Сверху вниз скользнул по ее лицу, которое оказалось абсолютно мокрым. Эта спортсменка плакала. Причем, слезы просто стекали как по стеклу, из открытых глаз, которые почему-то смотрели на него. Как? Как на спасителя, с благодарностью. Это поставило его в тупик. Только тогда он заметил, что ее просто треплет, как флажок на яхте в сильный шторм. Она замерзла, дошло до него. В каких-то колготках, легкой тунике, выглядывающей сантиметров на десять, на снежной вершине! Конечно, она замерзла. А он стоит перед ней, в теплой парке, и ему даже в голову не придет, что первое, что ей надо, это согреться. Ему давно не было стыдно. Он снял куртку, надел на нее. Сам. У русской руки в рукава не попадали. Вспомнил, что за ними стоит машина, с теплым салоном. Открыл ей дверь, помог сесть. Быстрее в отель. Там согреется. Он вспомнил, что она «велела» отключить отопление. Минут 40 уйдет на то, чтобы в помещении стало тепло. Правда, есть одеяла, пледы, горячая вода. Когда доехали, включив отопление, настроил его на максимум, закрыл окна и балкон. Надо быть такой ненормальной, чтобы в январе держать их открытыми, когда море под окнами. Поставил варить кофе. И повернулся к ней. Она стояла там, где стояла до того, как он начал заниматься всем вышеперечисленным. «Шок что ли», – подумал он и стал снимать, сначала свою, потом ее, куртки. Туника из легкого батиста и... ничего. Голая грудь от холода обозначилась так, что обойти ее взглядом было сложно. Он

пытался. Не получалось. Надо же, вот тебе и бесполоя. В конце концов, главное, согреть, вертелось у него в голове. Никак не мог вспомнить, как по-русски вода, чтобы отправить ее в теплую ванну. Ничего лучшего, как просто помочь раздеться, ему в голову не пришло. Начал с колгот, неожиданно быстро она схватила его за руки, пытаясь оттолкнуть. Сил не хватило и он, зная, что поступает так, как надо в экстренных ситуациях, продолжал. Но, видимо, теория это далеко не практика. Потому что русская, вместо того, чтобы помочь ему снять с нее тунику, начала вдруг снимать рубашку с него. Как ни пытался, он не мог вспомнить, как это случилось. Почему его глаза останавливались, то ее на груди, то на ее, вдруг согревшихся, глазах. Почему его руки бережно гладили ее тело, когда удалось справиться с батистом. Он был сильнее и боялся причинить боль. Как она стала частью его? Как это могло произойти, чтобы русская в военных высоких ботинках, штампующая по утрам плитку в холле отеля, вдруг оказалась такой легкой и нежной. Как у нее, такой сосредоточенной и строгой, вдруг появилась кошачья грациозность и... даже развязность. Он не понимал. И не помнил ничего, кроме... впрочем, это не важно, что он помнил. Его удивило, что после произошедшего, он, как это обычно с ним бывало, не «протрезвел», не попрощался и не ушел. Он все-таки налил ей ванну, проследил, чтобы она туда села, и даже помог вымыться, почти горячей водой. Затем отвез в его любимый ресторан на берегу, совершенно безлюдный в это время года. Они молчали. А что им оставалось. С ее знанием итальянского, и его – русского. Шум моря. Ее робкие и какие-то виноватые взгляды. И его, не спешащее уходить, желание.

Утром она привычно проштамповала плитку своими ботинками. Шапка. Рюкзак. Все на месте. Прибавились только шерстяные гетры. И термос в руках. Она подошла к нему и, сказав это русское бесцеремонное «привет», сунула под нос дисплей телефона, на котором он прочитал: «Где мне наполнить горячей водой термос? Немного ошалев, он с самого утра мучился, как бы так сделать, сказать то он не мог, чтобы дать понять, что это было хорошо, но этого больше не будет, а она про термос. Подошел к кулеру, налил кипятка. Она поблагодарила и ушла. И вернулась, не изменяя привычке, в 9 вечера. Он видел из своего офиса, пришлось задержаться. Через два дня она уезжала. Проводить лично, что было в его правилах, он не смог, так как попал в аварию и даже умудрился сломать нос. Поэтому на вокзал отправил помощника, а сам просто пожелал заученное «Счастливого пути».

И вздохнул. С облегчением.

Часа через три вернулся помощник, продрогший, рассказал, что поезд задержался на два часа, и хорошо, что они не отправили русскую одну.

Джанни замерз, а русская? Ему вспомнилось Себорга. Он нашел в базе ее номер и отправил сообщение, в котором просто спросил, все ли в порядке и пожелал спокойной ночи. Предварительно переведя все на русский, с помощью гугла. Утром еще написал «Доброе утро». Это было обычной вежливостью отельера. Не более.

Она, доехав до Москвы, в ответ отправила ему фотографию заснеженного города и «скучаю».

В тот момент он тоже скучал и даже очень. Два дня их настроения были, что называется, в унисон.

Потом он закрутился с новым проектом, и вся эта история стала уходить из его памяти. Быстро. А что? У мужчин всегда так. Как это у русских, с глаз долой...

Она продолжала методично, как по расписанию: доброе утро, как здоровье, скучаю, ты самый лучший, хочу в Бордигеру, спокойной ночи и т. д. Он вздрагивал от звука каждой смс. Не заметил даже, как выучил порядка ста новых русских слов. С этим надо было что-то делать. Мало ли что. Все-таки, русские, они не только сумасшедшие, но и непредсказуемые. Он до сих пор не мог понять, как его помощь превратилась в совсем другое, что до этого даже на секунду в голову не приходило. Что-то делать, для него это означало – поставить цель и выполнить задуманное. Он перестал отвечать на смс. На ночь ставил телефон на бесшумный режим.

Потом смс прекратились. Два дня он ходил почти счастливым. Потом вдруг подумал, не случилось ли чего. Перечитал 121 смс, присланную за месяц и не прочитанное им. Нет ничего экстраординарного. Разве что, итальянский становился лучше, а смс пространнее, уже почти письма. В последнем она написала, что надеется, что он уже выздоровел, и пожелала ему радости.

Ничего себе, подумал он. Так она все это писала, жалея? Жалость? К нему? К 45-летнему мужчине, у которого было все, что он хотел? Точно сумасшедшая.

Еще через месяц позвонил приятель и пригласил на 15-летие ресторана, когда-то открытого им в Москве. Роби подумал, почему бы нет. Они остановились в Савойе. Торжество было намечено на вечер, а до этого экскурсия по изменившейся, заснеженной, Москве. Затем интервью для известного журнала. Он ждал журналиста в одном из залов, когда-то его, ресторана. Услышал каблучки, их звук был ритмичным. «Бон джорно, синьор Роберто! Как Ваши дела? У нас 40 минут. Пожалуй, начнем». Итальянка, – подумал Роб и повернулся.

Перед ним, с блокнотом в одной руке и диктофоном, в другой, стояла русская. Та, сумасшедшая.

Не по судьбе

Лерка была из тех, про кого говорят, что у них инструменты забыли в пятой точке. Ну не могла усидеть на одном месте. Не интересно. Как ее угораздило стать милиционером и жить, в строгом соответствии с дисциплинарным уставом, удивляло не только ее. Зато, вне службы, она добирала.

Кто-то после суточного дежурства отсыпался все трое суток до следующего, а она, отработав подряд две смены, путем несложных обменов, получала неделю выходных, и отправлялась колесить по стране. Не на машине. За руль ей посоветовали не садиться, габаритов она не чувствовала и в этом случае. Моталась на поездах. В Карпаты кататься на лыжах или просто гулять, когда там вдруг пропал снег. Во Львов и Ужгород любоваться архитектурой, совсем необычной для Москвы. Прибалтика стала на какое-то время вторым домом и даже литовский зачем-то выучила. Ездила, в основном одна. Ну, а кто еще, забросив дела, семью, диван, отправится, куда глаза глядят. В тот раз все сложилось иначе. Подруга предложила составить компанию в туристической поездке – Одесса-Измаил. Не сезон, ноябрь, поэтому были свободные профсоюзные путевки, по 4 рубля. Почему не поехать, тем более что в Одессе жила старенькая тетка, которую никто не навещал уже года два. Как это, собраться, только подпоясаться? Вот и собралась. Закинула дочку, а она у нее уже была, трехлетняя Никуся, которую обычно таскала с собой, как мешок заплечный, к родителям, и бегом, к поезду.

Несмотря на ноябрьскую слякоть, мокрый снег с дождем, настроение при посадке в вагон в один миг стало, не просто хорошим, а каким-то, в облаках витающим. Поезд обслуживала бригада студентов железнодорожников на преддипломной практике. При посадке Лерка поскользнулась на ступеньках, и упала бы, если бы что-то крепко не сжало плечи. Она пыталась вывернуться, но вывернулась из куртки. Напротив лица были чьи-то огромные ручищи, а в них ее анорак, с таким трудом добытый на одной из закрытых распродаж в ГУМе. Попытка вырвать его, не удалась, и она уже открыла рот, вспомнив, кем она работает, чтобы сказать: «Минуточку, гражданин...». Но как открыла, так и закрыла. Где-то на расстоянии полуметра вверх от ее головы были улыбка и какие-то странные, с необычным разрезом, глаза. Вот так. Руки. Улыбка. Глаза. Сергей, в которого она влюбилась сразу и навсегда. Теперь это можно сказать точно. В купе были только она и подруга. Поэтому, наверное, ничего удивительного, что, как только основная часть вагона улеглась спать, к ним пришли знакомиться Сергей и его напарник Миша, который, и в этом тоже ничего странного, понравился ее подруге. Та не стала терять время даром и, послушав немного про Бричмулу, попросила Лерку посидеть с Сергеем где-нибудь в другом месте.

Они пили чай в узком купе для проводников и молчали. И в этом тоже не было ничего странного. Это был тот случай, когда глаза говорят больше. Когда вернулся напарник, Лерка, пробормотав «спокойной ночи», ушла к себе и уснула. На следующий день Одесса встречала не ласково. Ее, наверное, первую на нашей части суши, накрыл ледяной дождь. Это был 1987 год. Обледенели провода троллейбусов и трамваев. Оборвались остальные. Полгорода было без света. Какая уж тут экскурсия. Все остались в вагоне, а они вчетвером отправились навещать тетку Лиду. Чтобы девчонки вдруг не потерялись в такую штормовую погоду. Держась друг за друга, как альпинисты в горах, они кое-как добрались по указанному на тетрадном листочке адресу. Как рада была Лерка этому ледяному дождю и этой сплошной гололедице. Она чувствовала себя окутанной сказочным облаком, прижавшись спиной к нему. Она радовалась даже тогда, когда кто-то один из них падал, таща за собой остальную троицу. Боже ж ты мой, а как была рада тетка, племянница приехала, да еще не одна. Как Лерка ей не объясняла, что случайные с ней попутчики, та накрыла на стол все, что было в доме, и еще предложила переночевать у нее. И даже посуду поставила, которую не доставала, наверное, еще

с царских времен. А было тете Лиде 87 лет. Посидели, послушали тетку. Как все одесситы, говорила она много и интересно. Да вот только Лерка ничего и не слышала, оглохла, полоумная, от своих чувств. Как-то незаметно для нее прошло два часа, незаметно оказалась в руках, собранная теткой посылка, и также незаметно они оказались в Гамбринусе, вот в этом подвале, свет, на удивление, был. Играл еврей скрипач и так играл...Музыка легла на то, что она чувствовала и получилась песня, сказочная, да просто Любовь получилась. Ребята с подружкой пили пиво, она – домашнее вино, такое тогда тоже подавали в заведениях. Видимо, градусы сняли излишнюю напряженность и опасливость, и назад они добрались значительно быстрее. Поезд уже отправлялся, ребятам надо было работать, подружки пошли спать. На утро – Измаил. Экскурсия по диораме сражений. Затем, она с подружкой, вместе с более опытными ее коллегами, отправились в частный сектор города, покупать вино. Домой. Это ж были годы борьбы с пьянством. Один из местных, на воротах дома которого висело объявление о продаже домашнего напитка, крепостью необычной, предложил отдегустировать. Спустившись в полуподвальное помещение, где как в замке, хранились огромные бочки, исмаилец каждой из них налил по стаканчику вина. Казалось бы, всего-то стаканчик. Ох, как сразу подкосило ноги. Взяв каждая по трехлитровой банке, они заторопились к поезду. Причем, кто-куда, а захмелевшая Лерка, сразу в служебное купе. Выставив банку на стол, предложила вместе пообедать. Градусы напрочь съели природную скромность. Пока ребята бегали по вагонам в поисках съестного, она, укрывшись какой-то шинелью, прилегла. Проснулась уже в темноте. Поезд потряхивало, вместе с ней. Ей хотелось пить. Видимо, она сказала или подумала это вслух. Потому что появился он и протянул ей воду. Пробормотав извинения, она ушла. К себе в купе. И для себя поставила точку. Не может ему понравиться такая бесшабашная барышня. Когда проснулась, поезд стоял на очередной остановке. Эта очередная оказалась Киевом. В узком коридорчике все рассматривали диковинных бегемотиков. Маленький такой, он глотал шарики, которые вылетали при нажатии на брюшко. Цирк и всего за 4 рубля. Такого у Ники не было. Надо же было проспать, произнесла она вслух. И тут Сергей предложил сбегать на перрон. Хотя до отхода поезда оставалось 5 минут, деньги ему собрали все «неотоваренные». Поезд тронулся и перрон почти закончился, когда она увидела вдали Сергея, державшего в форменной куртке целое стадо бегемотиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.